

Ксения Кончаревич

Православный богословский факультет
Белградского Государственного Университета,
Белград – Сербия

СВЯЩЕННЫЕ КАНОНЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ САКРАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Анстракт: Предлагаемая статья представляет попытку рассмотрения нормативистики православного канонического права, относящейся к разным аспектам коммуникативного поведения клириков и мирян, по схеме ситуативного анализа. Исследование базируется на полном каноническом корпусе Православной Церкви и на церковно-правовом материале, зафиксированном в полном своде документов церковного законодательства, а его цель – выявить, систематизировать и проанализировать коммуникативные нормы, принятые по отношению к священнослужителям, церковнослужителям, монахам и мирянам, а также санкции, предусмотренные в случае их нарушения.

Ключевые слова: Каноны Православной Церкви, церковное законодательство, сакральная коммуникативная культура, вербальное коммуникативное поведение, невербальное коммуникативное поведение, социальный символизм.

Канонами (правилами) называются те письменные определения, которые церковная законодательная власть издала в течение нескольких веков и которые до сегодняшнего дня имеют силу в Православной Церкви, как положительные и обязательные законы для всех и каждого, кто есть член этой Церкви. О высоком значении канонов как постановлений, относящихся к устройству Церкви, ее управлению, учреждениям, дисциплине и жизни клириков и мирян, авторитетный богослов XX в. архимандрит Иустин Попович писал: „Святые каноны – это святые догматы веры, применяемые к жизни христианина. Они побуждают членов Церкви к воплощению в повседневной жизни святых догматов“ (Попович 1978, 257).

В состав канонического корпуса, своего рода „свода законов“ Православной Церкви, входят правила святых апостолов¹, семи Вселенских² и десяти поместных соборов³ и двенадцати святых Отцов⁴. Рядом с этими основными правилами имеют

1 Во всех канонических сборниках Православной Церкви на первом месте находится 85 правил св. Апостолов (АП). В первый раз они ясно упоминаются на Первом вселенском соборе, следовательно в начале IV в., а в VI в. эти правила появляются уже в виде особого сборника.

2 Православная Церковь признает семь вселенских соборов, которые собирались от 325 до 787 года: Никейский (1 ВС), Константинопольский (2 ВС), Ефесский (3 ВС), Халкидонский (4 ВС), Трулльский, пято-шестой (6 ВС) и Никейский второй (7 ВС).

3 Для всей священной полноты Восточной Церкви обязательные только правила тех поместных соборов, за коими такое значение признала Вселенская Церковь. Таковых соборов

еще силу, как дополнительные правила, несколько канонических сочинений Иоанна Постника, Никифора Исповедника, Николая Грамматика, Василия Великого, Иоанна Златоустаго и Анастасия. Исключительно высокий авторитет канонов в Церкви объясняется тем, что одни из них изданы Вселенскими соборами, которые, по православному догматическому учению, являются непогрешимыми органами высшей церковной власти (ср. Зизиулас 2001, 96-101; Янарас 2000, 205-211), другие же – правила поместных соборов и святых Отцов – были утверждены Вселенскими соборами.

Нормы канонического права в Православной Церкви являются универсальными, сверхнациональными и в принципе неизменными в веках. Церковное правосознание, основанное на догматическом и нравственном учении Церкви, на Священном Писании и Предании, в глубине своей остается одним и тем же, неподвластным времени (Јевтић 2005, 9-29), ибо, по изречению апостола Павла, „Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же“ (Евр. 13, 8). Состав канонического корпуса Восточной Церкви, созданный в древности, не подлежит пересмотру, как не подлежит пересмотру само Священное Предание Церкви. Правда, потребности церковной жизни, протекающей в исторически изменяющихся условиях, вызывают необходимость и в изменениях некоторых действующих церковно-правовых норм, в издании новых церковно-законодательных актов. В самом каноническом корпусе есть правила, действие которых, по соображениям иконономии (пастырского снисхождения) или же вследствие изменений в самой эмпирической действительности, было изменено или даже отменено позднейшими правилами. Изменяются обстоятельства, и в результате этих изменений из церковной жизни могут исчезать самые институты, предусматриваемые теми или иными правилами, как, например, древний институт диаконисс, но неизменяемым остается экклесиологический или нравственный принцип, лежащий в основе правила, регулирующего существование исчезнувшего церковного института. И всегда остается возможность использовать правила, в буквальном смысле уже не применяемые, по аналогии с встречающимся казусом (подробнее см. Милаш 1902, 60-79; Милаш 1911, 9-22) .

Если в Церкви существуют законы, которым всякий член Церкви обязан повиноваться, то, естественно, имеются и внешние санкции для нарушающих их или противящихся им. Наука о церковном праве подразделяет все виды церковных наказаний на карательные и исправительные: цель первых – отмщение за причиненное зло, цель вторых – исправление виновного (Милаш 1911, 173-342). В канонах упоминаются такие церковные наказания для мирян, как епитимия, бесславие (лишение

десять: Анкирский (Анкир.), Неокесарийский (Неокес.), Гангрский (Гангр.), Антиохийский (Антиох.), Лаодикийский (Лаод.), Сардикский (Сард.), Константинопольский (Конст.), Карфагенский (Карф.), Константинопольский собор в храме св. Апостолов (Конст. 1), Константинопольский собор в храме св. Софии (Конст. 2).

4 Правила св. Дионисия, архиепископа александрийского (Дион.), св. Григория, архиепископа неокесарийского (Григ. Неокес.), св. Петра, архиепископа александрийского (Петр. Ал.), св. Афанасия Великого, архиепископа александрийского (Афан. Вел.), св. Василия Великого, архиепископа Кесарии каппадокийской (Вас. Вел.), Тимофея, епископа александрийского (Тим.), св. Григория Назианзина, Богослова (Григ. Богос.), св. Амфилохия (Амф.), св. Григория, епископа нисского (Григ. Нис.), Феофила, епископа александрийского (Феоф.), св. Кирилла, архиепископа александрийского (Кир.), св. Геннадия, патриарха константинопольского (Ген. 1), окружное послание св. Геннадия, патриарха константинопольского (Ген. 2) и послание св. Тарасия, патриарха константинопольского, к папе римскому Адриану Первому (Тарас.).

церковных преимуществ и прав), отлучение (лишение права причащения на некоторое время), совершенное исключение из Церкви и лишение церковного погребения. Для членов клира (церковно- и священнослужителей) существуют особые наказания, применяющиеся в случае нарушения ими известных канонических предписаний: замечание, выговор, отрешение от места службы на некоторое время, временное запрещение священнослужения, запрещение совершения некоторых священнодействий, отрешение от места служения навсегда, лишение навсегда права совершать какое-либо священнодействие, лишение имени и чести священства, извержение вместе с отлучением.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть нормативистику православного канонического права, относящуюся к разным аспектам коммуникативного поведения клириков и мирян. Наше исследование, построенное по схеме ситуативного анализа, разработанной в Воронежской школе коммуникативной лингвистики (подробнее см. Стернин 2000, Стернин 2008), базируется на полном каноническом корпусе Православной Церкви⁵ и на церковно-правовом материале, зафиксированном в полном своде документов церковного законодательства (см. *Источники*), а его цель – выявить, систематизировать и проанализировать коммуникативные нормы, принятые по отношению к священнослужителям, церковнослужителям, монахам и мирянам, а также санкции, предусмотренные в случае их нарушения.

Описание коммуникативного поведения клириков и мирян в стандартных коммуникативных ситуациях и коммуникативных сферах на основании канонического корпуса Восточной Церкви

Вербальное коммуникативное поведение

1. Стандартные коммуникативные ситуации

О формулах, рекомендуемых для использования в стандартных коммуникативных ситуациях (*встреча, приветствие, установление контакта; обращение; знакомство; прощание, расставание; извинение; поздравление; запрещение, отказ; замечание, побуждение; соболезнование*), в канонических документах, входящих в корпус для нашего исследования, прямых указаний не имеется. По этому признаку они резко отличаются от иноческих уставов, в которых данная область коммуникативного поведения регулируется рядом нормативных предписаний (см. Кончаревич 2007, 350-362). Однако, это отнюдь не подразумевает отсутствие в канонических предписаниях какой бы то ни было юридической регулятивы вербального коммуникативного поведения, особенно вербальных деликтов клириков, таких, как богохульство (бласфемия), оскорбление, насмехание, клятвопреступление, заговор, сговор, сквернословие и даже нерадение о вверенной им службе учительства (поучения народа Божия христианской вере и нравственности). Начнем с последнего. Нерадящий о христианской проповеди и назидании пасомых, еще с апостольских времен, подпадает строгому наказанию церковной власти: «Епископ, или пресвитер,

⁵ Правила святых Апостол, вселенских и поместных соборов и святых Отцов, входящие в канонический корпус Восточной Церкви, в данной работе приводятся на церковнославянском (русскославянском) языке, по тексту, заимствованному из русского синодального издания Книги правил 1901 года, тогда как в Сербской Церкви они приводятся по авторитетным переводам на современный сербский литературный язык, сделанным еп. Никодимом Милашем (1895) и еп. Афанасием Евтичем (2005).

нерадящий о причте и о людех, и не учащий их благочестию, да будет отлучен» (АП 58). Тот же древнейший канонический сборник предусматривает серьезные санкции за оскорбление епископов, клириков, представителей светской власти: „Аще кто из клира досадит (=причинит обиду) епископу: да будет извержен“. (АП 56). „Аще кто из причта (=клира) досадит пресвитеру, или диакону: да будет отлучен от общения церковнаго“ (АП 57). Под словом „досадить“ (= оскорбить, обидеть), согласно еп. Никодиму Милашу, следует разуметь „дурные слова, брань, но не оскорбление, нанесенное действием или чем-либо другим“ (Милаш 1895, 162). Отлучение мирянина и извержение из духовного сана клирику назначается и за оскорбление царя или народного старейшины (князя) (АП 84). Клирики и монахи подлежат извержению за заговор („соумышление“) и сговор („составление скопища“) против епископов или своих сопричетчиков (4 ВС 18). О том, что речь идет именно о вербальных деликтах, говорит толкование Зонарой этого правила. Согласно известному византийскому канонисту, „соумышление – когда несколько лиц сговорятся против кого-либо и под присягой обяжутся, что от своего неуместного предприятия не откажутся, пока совсем не осуществят его [...]. А скопище есть злонамеренное совещание и соглашение нескольких лиц на злые дела“ (цит. по: Милаш 1895, 372). Санционирование клятвопреступления и насмехания мотивировано прежде всего нравственными причинами. В первом случае речь идет о дерзости и об отсутствии страха Божия, благоговения перед святым именем Его, и поэтому, если какое-либо духовное лицо нарушит клятву, произнесенную по какому-либо важному вопросу и подтвержденную именем Бога, то это преступление строго наказывается: „Епископ, или пресвитер, или диакон, [...] в клятвопреступлении [...] обличенный, да будет извержен от священного чина, но да не будет отлучен от общения церковнаго“ (АП 25). Во втором случае в основе санкционируемого вербального деликта лежит неуважение к ближнему, жестокосердие, гордость. Насмехаться над немощными телом еще с апостольских времен, введ за этикой Священного Писания, считалось грехом, за который миряне отлучались от святого причащения, а у духовных лиц это считалось преступлением против священного сана. „Аще кто из клира хромому, или глухому, или слепому, или ногами болезненному посмеется: да будет отлучен. Такжеже и мирянин“ (АП 57). Крупнейшим вербальным деликтом считается, вне всякого сомнения, богохульство (бласфемия) - „возложение хулы на славимого в единосущной Троице Бога, на Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Присно-Деву Марию, на Бесплотныя Силы Небесныя или на Святых Угодников Божиих“, „поругание действием или поношение Святых Таинств, Святаго Креста, Святых мощей, Святых икон или других предметов, почитаемых Православною Церковию“, „поношение Священного Писания, или Церкви Православной и ея догматов, или вообще веры православной“, которое строжайшим образом наказывается по церковному уголовному праву (Милаш 1911, 390-391); о юридическом статусе других вербальных деликтов („преступлений против чести других“ - iniuria in dignitatem, iniuria in existimationem, contumelia, calumnia) - в церковном законодательстве см. Милаш 1911, 446-451.

2. Коммуникативные сферы

Общение в храме

Основная обязанность христианина – регулярно посещать дом Божий. Отсутствие со служб (а имеется в виду прежде всего Литургия как средоточие церковной жизни) влечет за собой строгие наказательные меры: „Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон, или кто-либо из сопричисленных к клиру, или мирянин,

не имея никакой настоящей нужды, или препятствия, которым бы надолго был устранен от своей Церкви, но пребывая во граде, в три воскресные дни в продолжении трех седмиц, не приидет в церковное собрание: то клирик да будет извержен из клира, а мирянин да будет удален от общения“ (6 ВС 80). При этом следует иметь в виду, что присутствовать на Литургии ни в коем случае не значило „отстоять службу“, как в понимании христиан нашего времени, а именно принять святыне Таинства Тела и Крови Христовых. Об этом свидетельствуют древнейшие канонические правила – каноны св. Апостолов: „Всех верных входящих в церковь, и Писания слушающих, но не пребывающих в молитве и святом причащении до конца, яко бесчиние в церкви производящих, отлучати подобает от общения церковного“ (АП 9). То же самое подтверждают и антиохийские Отцы, повелевая: „Все входящие в церковь, и слушающие Священные Писания, но по некоему уклонению от порядка, не участвующие в молитве с народом, или уклоняющиеся от причащения святыне Евхаристии, да будут отлучены от Церкви дотол, как исповедуются, окажут плоды покаяния, и будут просить прощения, и таким образом возмогут получить оное“ (Антиох. 2). В древней Церкви верные не только должны были оставаться в храме до окончания божественной Литургии, но и обязаны были причащаться святыне Таинства Тела и Крови Христовых (полный свод канонов, относящихся к совершению Евхаристии и причащению, с толкованиями еп. Афанасия Евтича, см.: Каноны 2005, 151–189; подробнее о дисциплине на евхаристических собраниях Древней Церкви см.: Афанасьев 2001 б, 9–36; Безобразов 2001, 173–192; Левтић 2007а, 35–229; Керн 2001, 22–37; Никодим Светогорац 2006, 450–606; Шмеман 2001, 13–31). Позднее, для тех, которые по тем или иным внешним причинам или соображениям совести не могли причаститься, заведена была раздача антидора, который каждый должен был принять из рук священника для своего собственного освящения. И в теперешней практике совершения Литургии выходить из церкви до окончания службы и раздаче антидора считается оскорблением благоговейных чувств верных и произведением беспорядка в самой церкви.

О регулярности принятия святыне Таин всеми верующими (не только клириками, как сегодня), безотносительно к периодам постов, убедительно свидетельствует следующее правило: „От святого дня Воскресения Христа Бога нашего до недели новья, во всю седмицу верные должны во святыне церквах непрестанно упражняться, во псалмах и пениях и песнях духовных, радуясь и торжествуя во Христе, и чтению Божественных Писаний внимая, и святыне Тайнами наслаждаясь. Ибо таким образом со Христом купно воскреснем, и вознесемся“ (6 ВС 66). Правило имеет в виду Светлую седмицу, которая в Церкви считалась как один день Господень и праздновалась одинаковым образом, как и первый день Пасхи. Согласно данному правилу, верующие должны ежедневно, в течение всей Светлой седмицы, посещать храм и принимать участие в церковном богослужении, тесно соединяясь со Христом в ежедневном принятии святыне Таин. Правило, таким образом, показывает, что между пощением и принятием святыне Таин не было обязательной связи, ибо на Светлой седмице, представляющей „праздников праздник и торжество торжеств“ (8-й ирмос Канона св. Пасхи), воздерживаться от скоромной пищи запрещалось, но тем не менее, все присутствующие на евхаристическом собрании регулярно причащались; так это, по церковному уставу, должно быть и ныне, однако, на практике, особенно приходской, причащение мирян обуславливается предварительным, как минимум трехдневным постом и исповедью. Что же касается священнослужителей, их уклонение от принятия святыне Таин тем более считалось соблазном для верующих и подвергалось строгому наказанию: „Аще епископ, или пресвитер, или

диакон, или кто-либо из священного списка, при совершении приношения, не причастится; да представит причину, и аще есть благословна, да будет извинен. Аще же не представит: да будет отлучен от общения церковнаго, яко соделавшийся виною вреда народу, и на совершавшего приношение наведший подозрение, акибы неправильно совершал“ (АП 8).

Интересно упомянуть особые канонические ограничения, связанные с участием женщин в публичном вероучительстве в храме, в толкованиях священных книг на молитвенных собраниях и в произнесении церковных проповедей. „Не позволительно женам, во время Божественныя Литургии глаголати, но по слову апостола Павла, да молчат. Не повелесе бо им глаголати, но повиноватися, якоже и закон глаголет. Аще же чесому научитися хотят: в дому своих мужей да вопрошают (1 Кор. 14, 34-35)“ (6 ВС 70). Предписание, что женщины должны молчать в церкви, основанное на словах апостола Павла, очевидно, направлено против женщин, которые выступали явно с притязаниями учить в храмах, говорить во время св. Литургии, т. е. проповедовать и исполнять службу учительства, приличествующую только мужчинам. тем более, что на этом же Соборе, 64 правилом, такая деятельность воспрещена была и мужчинам-мирянам (о службе учительства в Древней Церкви см.: Афанасјев 2001а, 84–96; Афанасјев 2003, 233–238; Шмеман 2001, 80–99). По Вальсамону, в его толковании этого правила, которое приводится еп. Никодимом, некоторые женщины стремились публично толковать чтения из Священного Писания в храме и давать публично ответы по догматическим вопросам (Милаш 1895, 555). Однако, как не было воспрещено мужчинам-мирянам учительствовать вне церкви о вере и христианской нравственности, так не было запрещено это и благочестивым женщинам. На это заключение наводит нас самый текст вышеприведенного правила, в котором эксплицитно указывается, что женщинам воспрещается говорить только „во время Божественныя Литургии“, а о каком-либо ином запрещении ничего не говорится.

В храмах Божиих было воспрещено устраивание агап (трапез братолюбия, вечерей любви): „Не должно в местах, посвященных Господу, или в церквях совершати так называемые трапезы братолюбия, и внутри храма ясти, и ложе постилати. Сие же творити дерзающие, или да престанут, или да будут отлучены“ (6 ВС 74) (подробнее об агапах см.: Керн 2001, 37-43). А в правиле 76 того же Собора предписывается, что „никто не должен внутри священных оград корчемницу, или различныя снеди поставляти, или иныя купли производить, сохраняя благоговение к церквам“. Цель этого правила, как и предыдущего, - сохранить храм Божий от профанации.

Некоторые предписывания священных Соборов касаются храмового пения, которое, согласно канонам, должно быть благоговейным и чинным. Так, в 6 ВС 75 говорится: „Желаем, чтобы приходящие в церковь для пения не употребляли бесчинных воплей, не вынуждали из себя неестественнаго крика, и не вводили ничего несообразнаго и несвойственнаго церкви: но с великим вниманием и умилением приносили псалмопения Богу, назирающему сокровенное. Ибо священное слово поучало сынов Израилевых быть благоговейными“. Разнузданные крики, искусственные выкрики несогласны с духом христианского благоговения и не приличествуют дому Божию. В намерении сохранить в церкви во всем необходимое благочиние и порядок, лаодикийские Отцы вдобавок постановляют: „Кроме певцов, состоящих в клире, на амвон входящих и по книге поющих, не должно иным некоторым петь в церкви“ (Лаод. 15). Другими словами, петь в храмах разрешалось только каноническим певцам, тогда как мирянам предоставлялось свободно вторить

им. Порядок псалмопения регулируется следующим правилом: „Не должно в церковных собраниях псалмы совокуплять непрерывно один к другому, но чрез промежутки по псалме быти чтению“ (Лаод. 17) – очевидно, во избежание переутомления и ухода верных из церкви прежде окончания службы.

Общение клириков между собой

Отношения между членами иерархии точно и строго определены (об устройстве и управлении Древней Церкви см: Тальберг 2001, 85–90), и каждый, кто нарушает эти отношения, создает беспорядок в Церкви и причиняет ущерб достижению ее задач в мире. Средоточием иерархической власти является епископство (Афанасиев 2003, 308-390; Лебедев 2002, 157-188), и от епископской власти зависят все члены клира без различия. „Пресвитеры и диаконы, без воли епископа, ничего да не совершают. Ибо ему вверены людие Господни, и он воздаст ответ о душах их“ (АП 39). В ряде правил четко определены отношения епископа к митрополиту (АП 34, 35; Антиох. 9; Лаод. 42; Сард. 3; Konst. 14), к равным епископам (АП 13, 16, 32, 35; Анкир. 18; Антиох. 6, 13, 21, 22; Сард. 11, 13, 16, 18; Карф. 8, 53, 86, 120), к клирикам (АП 27, 39, 55; 3 ВС 3; 4 ВС 8, 19, 20, 23; 6 ВС 31; 7 ВС 14; Антиох. 5, 41), к монастырям и монахам (4 ВС 4, 8, 19, 24; 6 ВС 41; 7 ВС 12; Konst. 1); четко регулируются и канонические отношения клириков к епископу и друг к другу, а также устройство и управление монастырями. Приведем некоторые примеры.

Клирик не имеет право ничего делать без ведома своего епископа. Любое противление епископу или отделение от него разрушает установившийся порядок церковной жизни и является проявлением человеческой гордости, вследствие чего подлежит строгим наказательным мерам. „Аще который пресвитер, или диакон, презрев своего епископа, начнет творити особья собрания [...]: таковой да будет совершенно извержен из своего чина, и отнюдь не может до служения допущен быти, ниже паки восприяти прежнюю свою честь“ (Антиох. 5). Ни один епископ не может освобождать от наказания пресвитера или диакона, находящегося в юрисдикции другого архиерея – такую власть имеет лишь собор епископов: „Аще кто своим епископом отлучен от общения церковнаго: такового другим епископам не прежде приимати в общение, разве когда своим епископом принят будет, или когда составится собор, и он представ принесет оправдание, и убедив собор, получит от него иное о себе решение“ (Антиох. 6).

Подчиненность клириков своему епископу имеет свое выражение и в жестах и позах, которыми оказывается приличествующая его сану честь. Так, согласно Лаод. 56, «не подобает пресвитерам прежде входа епископа входить и сидети в олтаре, но с епископом входить, кроме случая, когда епископ немощен или в отсутствии» (ср. параллельные места в АП 2, 31, 39, 55; 4 ВС 8, 23; Трул. 17).

Каждый монах, в соответствии с канонами, находится в безусловной зависимости от игумена и в совершенном послушании его воле. Поэтому никейские Отцы постановили, что один только игумен полновластен отпускать из своего монастыря какого-либо брата или принимать в монастырь собрата другой обители: „Не долженствует монах, или монахиня оставляти свой монастырь, и отходити во иной. Аще же случится сие, то странничество явити ему необходимо, а приимати его без воли игумена его не подобает“ (7 ВС 21).

Общение с отлученными, иноверными и еретиками

По учению Церкви, каждый еретик, а тем более иноверный или отлученный, находится вне Церкви, а вне Церкви не может быть ни истинного крещения, ни истинной евхаристической жертвы, ни каких-либо истинных святых Таинств, как и вообще никакой благодати Божией и, соответственно, спасения. Поэтому христианам – и мирянам, и клирикам – рекомендуется не вступать с еретиками, иноверными и отлученными в общение, особенно молитвенное.

„Аще кто с отлученным от общения церковнаго помолится, хотя бы то было в доме; таковой да будет отлучен“ (АП 10). Правило воспрещает молиться даже и дома с отлученным от церковного общения или с еретиком. Тем строже молитвенное общение воспрещается духовным лицам: „Епископ, или пресвитер, или диакон, с еретиками молившийся токмо, да будет отлучен“ (АП 45). Согласно толкованию еп. Никодима Милаша, такое отношение не противоречит духу христианской любви и терпимости, отличающей Православную Церковь, так как „большая разница – жить с иноверными во внешнем гражданском общении, терпеть у себя заблудших в вере, ожидая их добровольного обращения“, или „вступать с ними без разбора в религиозное соприкосновение“, так как последнее означает, что мы „не только не стараемся об их обращении в православие, но и сами в нем колеблемся“ (Милаш 1895, 110-111). То же самое относится и к лицам, изверженным из клира: „Аще кто, принадлежа к клиру, с изверженным от клира молится будет: да будет извержен и сам“ (АП 11). Данные постановления подтверждаются рядом правил, усвоенных на позднейших Соборах (1 ВС 5; 4 ВС 11, 13; Трул. 17, 66, 80; Антиох. 2, 4, 6, 7, 8, 11; Лаод. 41, 42; Сардик. 9, 11; Карф. 9, 10, 23, 106).

Правило 72 VI Вселенского собора воспрещает православным брак с еретиками: „Недостойно мужу православному с женою еретическою браком совокуплятися, ни православною жене с мужем еретиком сочетаватися. Аще же усмотрено будет нечто таковое, соделанное кем-либо: брак почитати не твердым, и незаконное житие расторгати“. Однако, согласно тому же правилу, если двое, до вступления в лоно Православной Церкви, сочетались узами брака по гражданским законам, и одно из них обратится в православную веру, в таком случае позволительно им не разлучаться, соответственно I Кор. 7, 14.

Общение с неопитами

Новообращенные (неопиты) всегда являлись предметом особого пастырского душепопечения и духовного окормления. Однако, их следовало постепенно вводить в жизнь Церкви, для того, чтобы они с течением времени усвоили ее ценности, в отличие от ценностей и обычаев той среды, которой они принадлежали раньше. Поэтому они не могли рассчитывать на получение особо ответственных служб в Церкви: „От языческаго жития пришедшаго и крещеннаго, или от порочнаго образа жизни обратившагося, несть праведно вдруг производить во епископа. Ибо не справедливо еще не испытанному быти учителем других: разве только по благодати Божией сие устроится“ (АП 80).

Общение со светскими властями

В своих канонических документах Церковь осуждала незаконное влияние светской власти при поставлении епископов и наказывала тех, которые не стыдились

обращаться за помощью к властям, чтобы только получить епископство. Так, например, в Апостольских правилах читаем: „Аще который епископ, мирских начальников употребив, чрез них получит епископскую в церкви власть: да будет извержен и отлучен, и все сообщающиеся с ним“ (АП 30).

Некоторыми канонами регулируется отношение клириков к гражданским судам. „Аще который клирик с клириком имеет судное дело: да [...] не перебегает к светским судилищам“ (4 ВС 9). Обращаться в суд гражданский клирикам не следует. Главная мысль, побудившая Отцов Халикдонского собора издать настоящее правило, была – „сохранить прежде всего на должной высоте авторитет церковной власти и ее влияние на священнослужителей, а затем предохранить священнослужителей от унижения, которыми они могли подвергнуться, если бы гражданский суд рассматривал их дела“ (Милаш 1985, 347). Следует подчеркнуть, что светская власть не может подвергать наказанию ни одного пресвитера или диакона, пока он в сани, а это может делать лишь Церковь своими средствами (АП 5, Антиох. 5).

Общение с родственниками

Предметом канонической регулятивы является и отношение клириков к родственникам, вызванное, по-видимому, необходимостью ограничить злоупотребления в указанной области и поставить эту проблематику на прочный фундамент христианской веры и нравственности. Так, 38 АП воспрещает епископу присваивать себе или раздавать своим родственникам что-либо, принадлежащее Церкви, однако, если у епископа имеются бедные родные, правило позволяет ему помогать им, как бедным, поскольку церковное имущество, или, как говорит правило, „то, что есть Божие“, должно служить, между прочим, для помощи бедным и немощным.

„Сродство по духу есть важнее союза по телу“, определяет 6 ВС 53, причем имеется в виду связь между восприемником и младенцем, которого он воспринимал при крещении. Однако, для мирян, которые обзавелись семьей, забота о ее членах считается важной обязанностью, от которой ни под каким предлогом нельзя уклоняться. Так, Отцы Гангрского собора учат, что непозволительно расторгать брачную связь ради духовной жизни: „Аще которая жена оставит мужа, и отгити восхошет, гнушаяся браком: да будет под клятвою“ (Гангр. 14). О долге родителей заботиться о своих детях, об их содержании, воспитании и образовании, говорит следующее правило того же поместного собора: „Аще кто детей своих оставляет и не питает, и не приводит, по возможности, к подобающему благочестию, но, под предлогом отшельничества, нерадит о них: да будет под клятвою“ (Гангр. 15). Насколько, по оценке гангрских Отцов, противно христианской нравственности, чтобы родители оставляли своих детей под предлогом ложно понимаемого благочестия, настолько противно ей, чтобы дети под тем же предлогом оставляли своих родителей: „Аще которые дети, под предлогом благочестия, оставят своих родителей, наипаче верных, и не воздадут подобающия чести родителям, да будут под клятвою“ (Гангр. 16). Безусловное почтение к своим родителям, как явствует из вышеприведенного канона, дети должны свято блюсти не только тогда, когда родители их православно веруют, но и когда они веруют иначе, или же являются агностиками, атеистами и под.

Церковная власть в своих священных канонах заботилась не только о самих духовных лицах, но и об их детях и вообще обо всех родственниках их. Так, епископам и остальным членам клира Отцы Карфагенского собора рекомендуют не предоставлять им свободу до тех пор, пока последние не приобретут полной

выдержки и не сумеют вести себя сообразно своему положению: „Епископы и клирики да не позволяют детям своим отходить на свою волю, чрез отделение их от себя, аще не совершенно полагаются на их нравы и возраст: дабы в последствии грехи их не пали на самих родителей“ (Карф. 34). О поведении детей духовенства, которые так же, как и их родители, должны служить примером веры и благочестия, говорится, между прочим, и в Карф 15, где повелевается „детям священников не представляти мирских позорищ, и не зрети оных“; по той же причине дети состоящих в клире не должны „совокуплятися браком с язычниками или с еретиками“ (Карф. 21). Женам священников предписывается быть верными и чистыми, согласно 1 Тим. 3, 11; в своей жизни они должны вести себя столь же мудро и осмотрительно, как и священникам, потому что, „связав себя браком со своим мужем, получившим благодатное посвящение, она через брак и сама становится соучастницей этого посвящения“ (Милаш 1895, 51). В силу этого вполне логично и приемлемо как с нравственной, так и с канонической точки зрения определение Неокесарийского собора, предписывающее мужу-священнику немедленно разойтись с прелюбодейной женой (Неокес. 8) (о нормах семейной жизни священников с точки зрения пастырского богословия и христианской этики подробнее см. Керн 1997, 125–133).

Общение с женщинами

Общение с лицами другого пола (для клириков – с женщинами) всегда являлось объектом пристального рассмотрения с точки зрения христианской этики. Во избежание грехопадений духовенства и вытекающих отсюда соблазнов данная область регулируется также канонами и нормами уголовного церковного права.

Каноны особенно предостерегают не только священно- и церковнослужителей, ни и мирян от общения с женщинами дурного или сомнительного поведения. „Вземший в супружество вдову, или отверженную от супружества, или блудницу, или рабыню, или позорищную (=актрису), не может быть епископ, ни пресвитер, ни диакон, ниже вообще в списке священнаго чина“ (АП 18)

Если Церковь запрещает верным простое общение с еретиками и раскольниками (Лаод. 33), то тем более она должна была запрещать православным вступать в брак с таковыми (ср. Лаод. 31, Карф. 21). Запрещая всем верным вступать в брак с иноверными, Церковь тем более должна была запретить это тем, которые уже принадлежат к клиру, а могут, согласно правилам, вступать в брак. Так, признавая за церковнослужителями право совободного вступления в брак, Отцы Халкидонского собора определяют, чтобы они брали себе в жены только девиц православной веры, отнюдь не иноверных (4 ВС 15).

Правило 13 Трулльского собора предписывает под угрозой извержения, чтобы иподиаконы, диаконы и пресвитеры, как женатые, воздерживались от общения со своими женами в определенные времена, а именно, когда приступают к святыне и во время постов, ибо тогда они должны быть „во всем воздержными“ (6 ВС 13).

Со всею строгостью каноны запрещают общение с лицами другого пола тем, кто дал невозвратные обеты целомудрия – монашествующим. „Ни жена в мужском монастыре, ни муж в женском монастыре не спит. Ибо верные должны быти чужды всякаго преткновения и соблазна, и благоучреждати жизнь свою сообразно с благоприличием и благоприступанием ко Господу (1 Кор. 7, 35). Аще же кто сие учинит, клирик ли, или мирянин: да будет отлучен“ (6 ВС 47). Правило это ясно; смысл его – сохранить священные обители от всякаго подозрения. Никейские Отцы, в том же духе, запрещают существование двойных монастырей, в которых монахи

жили вместе с монахинями, ибо это служило соблазном и претконовением для многих: „Определяем не быти отныне монастырям двойным [...]. Аще же восхотят некие со сродниками отрещися от мира, и монашескому житию последовати, то мужам сходити в мужеский монастырь, а женам входитьи в женский монастырь“ (7 ВС 20). Относительно контактов между монахами и монахинями упомянутое правило определяет: „Да не спит монах в женском монастыре, и да не яст монахиня вместе с монахом наедине. И когда вещи потребные для жизни, со стороны мужеской приносятся к монахиням: за вратами оныя да приемлют женского монастыря игумена с некою старою монахиною. Аще же случится, что монах пожелает видети некую родственницу: то в присутствии игуменнии с нею да беседует, не многими и краткими словами, и вскоре от нея да отходит“ (7 ВС 20).

Общение с лицами другого пола особенно в публичных местах может послужить поводом для соблазна. Поэтому в священных канонах мы находим и такое определение: „Не должно священнослужителям или причетчикам, или инокам мыться в бане, вместе с женами, ни даже всякому христианину мирянину. Ибо сие есть первое нареkanie со стороны язычников“ (6 ВС 77). Ослушники этого предписания, состоящие в клире, подвергались извержению, а миряне отлучению.

Во многих правилах говорится о том, что духовные лица не должны держать при себе женщин, так же, как и монахи не смеют иметь никакого общения с женщинами (АП 5, 26; 1 ВС 3; Трул. 5, 12, 13, 47, 48; 7 ВС 18, 20, 22; Анкир. 19; Карф. 3, 4, 25, 38, 70; Василия Вел. 88). Отцы Никейского собора повелевают, что не только в епископиях и монастырях не смеют быть ни под каким видом никакие женщины, поскольку это есть „вина всякаго соблазна“, но определяют и то, что епископам и монахам нельзя встречаться с женщинами и тогда, когда во время путешествий останутся где-либо за городом, добавляя и то, что в присутствии епископа или игумена (и вообще монахов) ни одна женщина не должна служить, но должна удалиться из дома, пока они не отбудут, „да не будет нареkania“ (7 ВС 18).

Для предупреждения какого то бы ни было подозрения и соблазна, неженатым клирикам и так наз. воздержникам (монахам и лицам, давшим обет не вступать в брак) запрещается ходить к девицам и вдовам, „разве с разрешения и согласия епископа своего или пресвитеров“ (Карф. 38). Но и получив разрешение, эти клирики и воздержники могут входить к упомянутым женщинам не иначе, как в сопровождении других клириков „или неких почтенных христиан“ (там же).

Общение в праздники

Принимая во внимание святость брака, некоторые правила категорически требуют, чтобы христианские свадьбы проводились скромно и благоговейно, воспрещая потому как духовным лицам, так и мирянам участвовать на свадьбах, на которых происходят вещи, приличествующие только язычникам: „Не подобает христианам, на браки ходящим, скакати или плясати, но скромно вечеряти и обедати, как прилично христианам“ (Лаод. 53; ср. Трул. 24). „Не подобает освященным, или причетчикам зрети позоришныя представления на браках или на пиршествах; но прежде вхождения позоришных лиц вставати им и отходити“ (Лаод. 54). Стремясь к тому, чтобы христианская жизнь согласовалась с учением Священного Писания, святые Отцы требовали, чтобы каждый, независимо от своего положения в Церкви, жил скромно и благочестиво. Так, в Лаод. 55 предписывается: „Не подобает освященным, или причетчикам, слагаяся, делати пиршества, ни даже мирянам“ (ср. также Карф. 60) (о развлечениях в жизни современного пастыря см. Керн 1997, 134-140).

Общение в публичных местах

Общение в публичных местах регулируется рядом канонических предписаний, потребность в которых была вызвана желанием оградить клириков от возможных соблазнов и грехопадений, а тем самым и от попраiania священного сана. Так, трулльские Отцы постановили: „Никому из числящихся в священном чине, ни монаху, не позволяется ходить на конския ристалища (=скачки), или присутствовать на позорищных (=театральных) играх. И аще кто из клира зван будет на брак (=свадьбу): то при появлении игр, служащих к оболъщению, да восстанет, и тотчас да удалится [...]. Аще же кто обличен будет в сем: или да престанет, или да будет извержен“ (6 ВС 24). По строгости наказания видно, насколько отцы Трулльского собора считали несогласным со священным саном и с монашескими обетами увеселения, о которых упоминает правило. В толковании этого правила еп. Никодим, вслед за знаменитым византийским канонистом Вальсамоном, подчеркивает, что скачки и театральные представления того времени вели свое происхождение от языческих увеселений, вызывая „лишь душевное беспокойство и отвращение, ввиду бесцеремонных выражений, сопровождавших их“ (Милаш 1895, 505). По этой причине посещение подобных игр и театров Церковь, разумеется, должна была воспретить окончательно не только духовенству, но и верующим мирянам. Трулльские Отцы воспрещают христианам посещать комические, цирковые и балетные представления, как возбуждающие у зрителей страсти и похоть, а в некоторых случаях (цирковые представления) еще и жестокость и наслаждение несчастьем других: „Святыи вселенский собор сей совершенно возбраняет быти смехотворцам, и их зрелищам, такожде и зрелища зверинья творити и плясания на позорищи“ (6 ВС 51). За прегрешение против этого правила клирику угрожалo низвержение, а мирянину отлучение. О юридическом статусе других „преступлений против публичной морали“ и соответствующих санкций для клириков, предусмотренных церковным карательным правом, см. Милаш 1911, 510–515.

Из IV века сохранилось правило, воспрещающее также и детям духовенства посещать мирские зрелища, в котором упоминается, что это воспрещено также и всем христианам, ибо в театрах сплошное богохульство (Карф. 15).

Для монахов и монахинь с самого начала монастырской жизни было установлено, что они не должны самовольно появляться в публичных местах и особенно, что им нельзя ночевать вне монастыря. В этом духе трулльские Отцы повелевают: „Избравши подвижническое житие, и определенныя в монастыри, отнюдь да не исходят. Аще же неизбежная некая нужда побудит их к сему, да делают сие по благословию и соизволению настоятельницы: но и тогда исходити должны не одне сами по себе, а с некоторыми старицами, и с первенствующими в монастыре, по повелению игумении. Обнощевати же вне монастыря совсем не позволяется им. Такожде и мужи, проходящие житие монашеское, да исходят, когда настоит нужда, по благословию того, кому вверено начальство“ (6 ВС 46).

Еда и общение

Об отношении клириков и мирян к пище и условиях ее принятия в обществе других людей подробно говорится в 7 ВС 22. В начале этого обширного правила Отцы Никейского собора высказывают два положения. Во-первых, нужно все посвятить Богу и не быть рабом своих желаний, ибо Священное Писание учит, что едим ли, пьем ли, все делаем во славу Божию (1 Кор. 10, 31). Во-вторых, поскольку

нечистые и превратные мысли обыкновенно возникают в общении мужчин с женщинами, особенно при еде и питье, то Отцы Собора на этом в особенности и останавливаются и говорят прежде всего о мирянах, христианах вообще, затем о монахах и наконец о священниках. Относительно мирян, правило предусматривает, что тем, которые живут в браке и имеют детей, не предосудительно есть вместе с лицами другого пола, только при условии, чтобы при этом возносили благодарение Богу, Дающему пищу всякой твари, а поэтому настоящим правилом Отцы запрещают есть в какой-либо театральной обстановке, или с сатанинскими песнями, или „с певницами и блуническими гласованиями“, поскольку при таких пиршествах возбуждаются страсти. Относительно монахов, которые избрали тихий и уединенный образ жизни и дали невозвратные обеты Богу, правило определяет, чтобы они пребывали в своих монастырях в священном безмолвии, воздержании и молитве и уклонялись от мирского общения. Наконец, правило обращается и к священникам, которые должны во всем подавать добрый пример мирянам, подчеркивая, что не целесообразно и им есть наедине с женщинами, „а разве купно с некоторыми богобоязненными и благоговейными мужами и женами, дабы и сие общение трапезы вело к назиданию духовному“. Отцы Собора предвидели и случай, когда монах или священник, находясь в пути, вынуждены отдохнуть в гостинице или каком-либо доме: настоящим правилом Отцы разрешают это делать свободно, „поелику нужда (того) требует“, но, подчеркивается, всегда должно хранить им благочестие и свое достоинство (чин). Однако, христианам, согласно Канон. 11, нельзя ради мнимого подвижничества избегать вечереи любви (агапы), устраиваемых в память о тайной вечери Христовой: „Аще кто презирает творящих вечери любви по вере, и созывающих братию в честь Господа, и не хочет имети общение в приглашениях, низким почитая творимое: да будет под клятвою“. О священном почитании агапы имеются упоминания еще в апостольских посланиях (1, Кор. 11, 21, 22; Иуды Иаковл. 1, 12). Агапы являлись следствием любви и ее символом, они служили не только воспоминанием о последней вечери Господа Иисуса Христа с Его учениками, но и средством достижения как можно более тесного общения между верными, при котором стиралась разница между богатыми и бедными, и имущество каждой отдельной личности становилось общим достоянием.

Уже в самом начале существования Церкви Христовой появились разные еретики, проповедовавшие, что грешно и не угодно Богу жениться, есть мясо и пить вино, и воспрещали это своим последователям. Таковых, согласно Ап. 51, следует не только извергать из иерархической степени, но и совсем исключать из Церкви.

Правила поста определяются типиконом; предметом канонического законодательства являются лишь некоторые аспекты постов, имеющие отношение к священным догматам Церкви. „Аще кто из клира усмотрен будет постящимся в день Господень, или в субботу, кроме единыя только (Великия субботы): да будет извержен. Аще же мирянин, да будет отлучен“ (Ап. 66). Согласно толкованиям еп. Никодима Милаша, следует иметь в виду, что здесь говорится о сухом посте (сухоядении), когда воспрещается есть весь день до вечера, а вечером разрешается принимать только строго постную пищу без рыбы (Милаш 1895, 136).

Каждому члену Церкви, как клирику, так и мирянину, за исключением случаев физической слабости („кроме препятствия от немощи телесныя“), предписывается поститься в великий пост (перед Пасхой), а также по средам и пятницам, причем за нарушение этого предписания угрожает первому извержением из сана, а второму – отлучением (Ап. 69).

Религиозное общение с иудеями, совместное с ними пощение, празднование их праздников осуждается Ап. 70 по причине «какой-то неоправданной терпимости

по отношению к иудейским религиозным установлениям и в то же время индифферентизма по отношению к христианским религиозным предписаниям» (Милаш 1895, 144). „Аще который христианин принесет елей в капище языческое, или в синагогу иудейскую, в их праздники, или возжет свещу: да будет отлучен от общения церковнаго“ (АП 71).

Алкоголь и общение

Чрезмерное употребление спиртных напитков клирикам в канонах Церкви строжайшим образом воспрещается. „Епископ, или пресвитер, или диакон, игре (азартной, *прим. наше*) и пьянству преданный, или да престанет, или да будет извержен“ (АП 42). Церковнослужители (ипидиаконы, чтецы, певцы) и миряне за тот же проступок отлучаются от святого причащения (АП 43). Умеренное употребление вина духовному лицу не возбраняется (АП 51), но строго воспрещается употреблять вино и крепкие напитки „свыше меры“, до опьянения. Каноны своими предписаниями настолько стремятся охранять духовных лиц от этого порока, что воспрещают и посещение без особой нужды корчмы: „Аще кто из клира в корчемнице ядуший усмотрен будет: да отлучится, кроме случая, когда на пути по нужде в гостиннице отдыхает“ (АП 54). Под корчмой подразумевались гостиницы низшего сорта, где торговали вином и где допускались всякие непристойности (Милаш 1895, 122–123).

Невербальное коммуникативное поведение

Позы и жесты в общении

По учению христианской Церкви, нет греха, который превысил бы милосердие Божие. Поэтому каждого, кто искренне кается и обещает оставить свой грех, Церковь принимает и удостоивает своего пастырского попечения – не столько из-за усердия самого грешника в его покаянии, сколько для того, чтобы проявить милосердие и благодать Божию. Так, правило 2 Лаодикийского поместного собора предписывает удостоить причащения каждого, кто принес искреннее покаяние: „Впадающих в различные согрешения, и пребывающих в молитве, исповедании и покаянии, и от злых дел совершенно обращающихся, после того как по мере согрешения дано им время покаяния ради милосердия и благодати Божией, вводити в общение“. В ряде правил (1 ВС 11, Трул. 51, 62, 65, Карф. 15, 45, 53, Григ. Неокес. 11, Вас. Вел. 22, 75) говорится о коммуникативных нормах, связанных с выражением покаяния определенными позами. Так, согласно 1 ВС 11, «которые искренно покаются (в отступлении от веры – *прим. наше*): те три лета проведут между слушающими чтение писаний, яко верные; и седьмь лет да припадают в церкви, прося прощения; два же лета будут участвовать с народом в молитвах, кроме причащения святых Таин». Итак, мы видим, что данное правило предписывает три степени покаяния и соответственно три разновидности норм их вербального и невербального коммуникативного поведения, хотя в сущности, как показывают другие упомянутые правила, их было четыре, причем четвертая, или, лучше сказать, первая – самая строгая степень покаяния – не налагается вышеприведенным правилом на тех кающихся, о которых в нем говорится (отпадших по причине малодушия, без всякого внешнего принуждения), для того, чтобы показать им милость Церкви на пути их повторного принятия в литургическое общение (о покаянной дисциплине в ранней Церкви см. Тальберг 2001, 105–108). Первая по строгости степень покаяния

называлась плачем, а лица, находящиеся на этой степени покаяния, назывались плачущими. Они стояли вне церковного входа и с плачем умоляли верных, входящих в храм, помолиться о них. Вторая степень покаяния называлась слушанием, а лица, на которых она налагалась, назывались слушающими. Они стояли в притворе храма, т. е. у самых дверей главного входа в храм, и оставались там до молитвы об оглашенных, после чего должны были выйти из церкви (другими словами, им воспрещалось присутствовать на литургии верных, суть которой – освящение св. Даров и причащение верных). Третья степень – припадание, и лица, подвергшиеся этой степени наказания, назывались припадающими. Они могли стоять вместе с верными с западной стороны амвона и при этом все время должны были оставаться на коленях, в покаянной позе. Они тоже выходили из церкви после молитвы об оглашенных, поскольку, как и слушающие, не имели права присутствовать при освящении Даров, а тем более причащаться. Четвертая и последняя степень покаяния называлась вместиостоянием: лица, пребывающие в ней, стояли в храме вместе с верными, с северной и с южной стороны амвона и не могли только принимать святых Таин. Названы они вместиостоящими оттого, что не должны были коленнопреклонно молиться, как находившиеся на третьей ступени покаяния, но стояли как и остальные верные (о поведении лиц, свидетельствующих свое покаяние перед Церковью, ср. также Григ. Неокес. 11). Свидетельством, но вместе с тем и средством достижения покаяния, служат и некоторые специальные телодвижения (жесты), практикуемые на общественной и домашней (келейной) молитве. Так, св. Иоанн Постник в своем 4 правиле предписывает творение земных поклонов в качестве епитимии за допущение нечистых помыслов: „Сочувствие сердца с помыслами очищается двенадцатью поклонами“. Определения о числе поклонов, творимых за разные вольные и невольные прегрешения, позднее разработаны во многих епитимийниках и монастырских уставах (ср., напр., Кончаревий 2007, 362).

В ряде канонов говорится о допустимости / недопустимости некоторых молитвенных поз в определенные времена богослужебного круга в связи с их глубинным, символическим смыслом. Так, в АП 66, 1 ВС 20, 6 ВС 89, Трул. 66, Гангр. 18, Лаод. 26, Петра Алекс. 15, Василия Вел. 91, Феофила Алекс. 1 повелевается, что в храме не следует становиться на колени по воскресеньям, и с какого часа субботы по какой час воскресенья надлежит молиться стоя. Приведем ради иллюстрации 6 ВС 90: „От богоносных Отец наших канонически предано нам не преклоняти колен во дни воскресные, ради чести воскресения Христова. Посему, да не пребываем в неведении, како соблюдать сие, мы явственно показуем верным, яко в субботу, по вечернем входе священнослужителей в олтарь, по принятому обычаю, никто не преклоняет колен до следующего в воскресный день вечера, в который, по входе в светильничное время, паки колена преклоняя, сим образом воссылаем молитвы ко Господу. Ибо ночь по субботе приемля предтечу, отседе духовно начинаем песни, и праздник из тьмы во свет преводим, так что с сего времени всецелую ночь и день торжествуем воскресение“.

Социальный символизм

Символика одежды

Вопрос об одежде, достойной христианина, а особенно священно-и церковнослужителя, урегулирован священными канонами. „Никто из числящихся в клире да не одевается в неприличную одежду, ни пребывая во граде, ни находясь в

пути: но всякий из них да употребляет одежды, уже определенные для состоящих в клире“, повелевают Отцы Трулльского собора (6 ВС 27). В связи с допущением среди епископов и других клириков роскоши в одежде, противной священническому чину, 7 ВС 16 определяет так: „Всякая роскошь и украшение тела чужды священнического чина и состояния. Сего ради епископы, или клирики, украшающие себя светлыми и пышными одеждами, да исправляются. Аще же в том пребудут, подвергати их епитимии [...]. Аще обрящутся некие, посмеивающиеся носящим простое и скромное одеяние, епитимиею да исправляются. Понеже, от древних времен, всякий священный муж довольствовался нероскошным и скромным одеянием [...], и разноцветныя из шелковых тканей одежды не были носимы, и на края одежд не налагалися воскрилия инаго цвета“. Однако, несмотря на чуждость всякой роскоши в одежде и телесных украшений каноническим предписаниям и общему духу христианского благочестия, древние Отцы не допускали и противоположной крайности – ношения грубого одеяния поверх другой одежды с целью проявить презрение к роскоши, а также осуждения тех епископов и священников, которые, обыкновенно в торжественных случаях, с подобающим благоговением носили шелковые или даже общепринятые одежды: „Аще кто из мужей, ради мнимаго подвижничества, употребляет суровую верхнюю одежду, и, аки бы от сего получая праведность, осуждает тех, которые с благоговением носят шелковыя одеяния, и употребляют общую и обыкновением принятую одежду: да будет под клятвою“ (Гангр. 12, 21). Не позволительно также женщинам, под предлогом подвижничества, переодеваться в мужскую одежду: „Аще некая жена, ради мнимаго подвижничества, пременит одеяние, и, вместо обыкновенныя женския одежды, облечется в мужскую: да будет под клятвою“ (Гангр. 13).

В правиле 45 VI Вселенского собора речь идет о девах, посвящающих себя монашеской жизни, и о самом обряде пострижения их в монашество. В то время существовал на практике обычай, чтобы перед пострижением девушек сначала облакали шелковыми разноцветными одеждами, еще и украшениями, испещренными золотом и драгоценными камнями; в момент, когда они приступят к алтарю, с них снимали такое одеяние, и в тот час над ними совершалось благословение образа монашеского, причем их облакали в черное. Правило осуждает этот обычай, считая необоснованным перед самим пострижением еще раз будущей монахини напоминать „великолепным одеянием“ о прежнем образе жизни и житейских благах, поскольку она уже прошла искушение и утвердилась в своем намерении удалиться от многомятежного мира сего: „Ибо не благоприлично, чтобы, по собственному произволению, отложившая уже всякую приятность житейскую, возлюбившая жизнь по Бозе, утвердившаяся в оной непреклонными мыслями, и тако к монастырю приступившая, чрез воспоминание о том, что уже предала забвению, и от сего явилась бы колеблющеюся, и возмутилася в душе [...] не толико от усердия к подвигу монашескому, колико от разлучения с миром, и с тем, что в мире“. Отцами Карфагенского собора 418 г. было постановлено, что недопустимо принять девицу и облечь ее в иноческую одежду прежде, чем ей исполнится 25 лет (прав. 18). Отступление от упомянутого правила допускалось в том случае, когда целомудренности какой-либо девицы угрожала опасность или когда, находясь при смерти, она сама, или ее родители, или опекуны, умоляли удостоить ее принятия ангельского образа (Карф. 126).

Символика внешности (волос и бороды)

В первые века христианства клирики не отличались внешностью от мирян и особенно в эпоху гонений, чтобы не бросались в глаза гонителям, а постригали

волосы и бороду подобно мирянам. Лишь в VI в. находим на Западе первые следы выстригания волос на темени у клириков, так, чтобы на нижней части головы волосы оставались в виде венка (цсл. *гуменце*, греч. *папалитра*, лат. *тонзура*). Во время заседания Трулльского собора все члены клира, и на Востоке и на Западе, имели папалитру. Священнослужители, совершившие тяжкое каноническое преступление, за которое окончательно и навсегда были лишены сана, так что низведены в разряд мирян и лишены благодати, имели право, при условии принесения покаяния в содеянном грехе, сохранять внешний облик священнослужителя: „Оказавшиеся виновными в преступлениях, противных правилам, и за сие подвергнутые совершенному и всегдашнему извержению из своего чина, и в состоянии мирян изгнанные, аще, приходя добровольно в раскаяние, отвергают грех, за который лишились благодати, и от онаго совершенно устраниют себя: да стригутся по образу клира» (6 ВС 21). Если не покается, возбраняется ему и это, дабы прежний священник или диакон почувствовал стыд, что изгнан в разряд мирян: «Аще же самопроизвольно не пожелают этого: да растят власы подобно мирянам, яко предпочетшие обращение в мире жизни небесной» (6 ВС 21).

Во время Трулльского вселенского собора немало обольстителей ходило по городам в черных одеждах и с распущенными волосами, лицемерно выставя напоказ свою неопрятность и называя себя пустынноиками. Эти лжепустынники делали вид, будто они молятся за народ и проповедуют покаяние, или же объявляют людям об имеющих наступить событиях. О таких проповедниках говорит 42 правило Собора, предписывая отсылать их в монастыри, чтобы они проводили в них монашескую жизнь. Правило также подчеркивает, что внешность их – средство обманывать простой народ и оскорблять монашеский обет. Приведем текст указанного правила: „О именуемых пустынноиках, которые, в черных одеждах и с отращенными власами, обходят грады, обращаясь посреди мирских мужей и жен, и бесславят обет свой, определяем: аще восхотят, постригши власы, прияти образ прочих монашествующих, то определяти их в монастырь, и причисляти к братиям. Аще же не пожелают сего, то совсем изгоняти из градов, и жити им в пустынях, от коих и именованье себе составили“.

Что же касается женщин, в христианстве, в отличие от иудаизма, издавна считалось, что женщины не должны стричь своих волос, являющихся знаком их подчиненности мужу. Так учит и апостол Павел в своем первом послании к Коринфянам (11,8 и сл.). Нарушить это предписание не позволялось даже по аскетическим причинам. Отцы Гангрского поместного собора в этом духе повелевают: „Аще которая жена, ради мнимаго подвижничества, острижет власы, которая дал ей Бог в напоминание подчиненности: таковая, яко нарушающая заповедь подчиненности, да будет под клятвою“ (Гангр. 17).

Выводы

Нравственный, литургический и подвижнический опыт Церкви, указанный Божественным Откровением – Священным Писанием и Священным Преданием, находит свое яркое выражение в священных канонах Церкви и в церковном законодательстве. Каноны, исходящие из этического созерцания и практики в их двуединстве, охватывают всю полноту нравственного бытия, осуществляемого человеческой личностью во всем жизненном строе ее отношений к Богу, к миру, к общинному единению людей в самой Церкви, к жизни народной и семейной, к Божественному и человеческому творчеству, к ценностному переживанию всякого

проявления добра (включающему и отвращение от всякого зла). Их отличительной особенностью по сравнению с другими юридическими документами является направленность на урегулирование общинной жизни христиан в единстве веры и любви, осуществляемой в их сотелесности в мистическом организме Церкви. Потребность в таком урегулировании вытекает из самой природы Церкви, так как она есть сообщество людей, в котором не должно быть разделения, чтобы „все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдет ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены“ (1 Кор. 12, 25–26). Церкви свойственна мировоззренческая и вытекающая отсюда этическая целостность; в ней не должно быть ни одного гнилого члена – он или вылечивается, или отмирает. И излечение, и отмирание в значительной степени осуществляются силою священных канонов. И по отношению к „внешним“, к миру, каноны Церкви не остаются чуждыми и невнимательными, но осуществляют функцию закваски: свет христианской нравственной жизни должен светиться перед людьми, чтобы они видели добрые дела христиан (Мф. 5, 16).

В данной работе мы попытались предложить комплексное и системное описание норм коммуникативного поведения клириков и мирян на основании священных канонов Церкви и других источников церковного законодательства. Эти нормы, как мы показали, распространяются на многие стороны жизни и взаимоотношений членов Церкви, а также на их отношения к внешнему миру, отличаясь высокой степенью разработки и обязательностью для всех христиан – членов Православной Восточной Церкви всех времен и народов.

Источники

Каноны 2005 – *Свештени канони Цркве*. Православни богословски факултет etc., Београд, 2005.

Книга правил 1901 – *Книга правил святых Апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых Отцев*. Изд. Священного Синода, Москва, 1901.

Милаш 1895 – Н. Милаш, *Правила Православне Цркве са тумачењима*. Књ. I-II. Наклада књижаре А. Пајевића, Нови Сад, 1895.

Милаш 1996 – Н. Милаш, *Правила Православной Церкви с толкованиями*. Т. I-II. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, Сергиев Посад, 1996.

Милаш 1911 – Н. Милаш, *Црквено казнено право*. Издавачка књижарница Пахера и Кисића, Мостар, 1911.

Правила 1995 – *Правила светих Отаца*. Епархија сремска, Сремски Карловци, 1995.

Литература

Афанасјев 2001 а – Н. Афанасјев, *Служење мирјана (лаика) у Цркви*. Епархија банатска, Вршац, 2001.

Афанасјев 2001 б – Н. Афанасјев *Трпеза Господња*. Епархија банатска, Вршац, 2001.

Афанасјев 2002 а – Н. Афанасјев, *Еклисиологија ступања у клир*. Епархија банатска, Вршац, 2002.

Афанасјев 2002 б – Н. Афанасјев, *Ступање у Цркву*. Епархија банатска, Вршац, 2002.

- Афанасјев 2003 – Н. Афанасјев, *Црква Духа Светога*. Епархија банатска, Вршац, 2003.
- Безобразов 2001 – К. Безобразов, *Христос и прво поклолење хришћана*. Православни Свјато-Тихоновски Богословски Институт, Москва, 2001.
- Булгаков 1993 [1913] – С. В. Булгаков, *Настольная книга для священно-церковно-служителей. Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства*. Издательский отдел Московского Патриархата, Москва, 1993. [репр. воспроизв. изд. 1913 г.]
- Зизјулас 1986 – Ј. Зизјулас, *Евхаристијска заједница и католичност (саборност) Цркве*. [У]: *Саборност Цркве. Књ. 1*. Богословски факултет, Београд, 1986, стр. 113–130.
- Зизјулас 2001 – Ј. Зизјулас, *Еклисиолошке теме*. Беседа, Нови Сад, 2001.
- Јанарас 2000 – Х. Јанарас, *Азбучник вере*. Беседа, Нови Сад, 2000.
- Јевтић 1999 – А. Јевтић (прир.), *Дела апостолских ученика. Апостолски Оци*. Манастир Хиландар етс., Врњачка Бања – Требиње, 1999.
- Јевтић 2005 – А. Јевтић, *О тајни Цркве Христове. О канонима и канонском Предању*. [У]: *Свештени канони Цркве*. Православни богословски факултет етс., Београд, 2005, стр. 9–29.
- Јевтић 2007 а – А. Јевтић, *Божанствена Литургија: свештенослужење, причешће, заједница богочовечанског тела Христовог. Том 1*. Манастир Хиландар етс., Београд – Требиње 2007.
- Јевтић 2007 б – А. Јевтић, *Божанствена Литургија: свештенослужење, причешће, заједница богочовечанског тела Христовог. Том 2*. Манастир Хиландар етс., Београд – Требиње 2007.
- Кончаревић 2007 – К. Кончаревић, *Древни руски манастирски типичи као материјал за проучавање комуникативног понашања монаха*. – Црквене студије, Ниш, 2007, бр. 4, стр. 339–370.
- Кавасила 2002 – Н. Кавасила, *О животу у Христу*. Беседа, Нови Сад, 2002.
- Керн 1997 – К. Керн, *Пастирско богословље*. Братство св. Симеона Миротичивог, Врњачка Бања, 1997.
- Керн 2001 – К. Керн, *Евхаристия*. Паломник, Москва, 2001.
- Лебедев 2002 – А. П. Лебедев, *Свештенство древне васељенске Цркве*. Zepet Book World, Београд, 2002.
- Милаш 1902 – Н. Милаш, *Православно црквено право*. Издавачка књижарница Пахера и Кисића, Мостар, 1902.
- Никодим Светогорац 2006 – Никодим Светогорац, *О исповести. Душекорисни приручник за свештенослужитеље и вернике*. [У]: Ј. Србуљ, В. Димитријевић (прир.), *Од греха ка Богу. Зборник о светој Тајни исповести*. ПМШ „Св. Александар Невски“, Београд, 2006, стр. 450-606.
- Поповић 1978 – Ј. Поповић, *Православна догматика. Т. 3*. Манастир Ћелије, Београд, 1978.
- Свешников 2001 – В. Свешников, *Очерки христианской этики*. Паломник, Москва, 2001.
- Стернин 2000 – И. А. Стернин, *Модели описания коммуникативного поведения*. Истоки, Воронеж, 2000.
- Стернин 2008 – И. А. Стернин, *Коммуникативное поведение и его описание*. [В кн.:] И. А. Стернин, *Теоретические и прикладные проблемы языкознания*. Истоки, Воронеж, с. 104–129.

Тальберг 2001 – Н. Д. Тальберг, *История христианской Церкви*. Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, Москва, 2001.

Феофан Затворник 1998 – Феофан Затворник, *Начертание нравственного богословия*. Правило веры, 1998.

Храповицкий 1994 – А. Храповицкий, *Пастырское богословие*. Издательский отдел Московского Патриархата, Москва, 1994.

Шмеман 2001 – А. Шмеман, *Евхаристия: Таинство Царства*. Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, Москва, 2001.

Ксенија Кончаревић

**СВЕШТЕНИ КАНОНИ ПРАВОСЛАВНЕ ЦРКВЕ
КАО ИЗВОР ЗА ПРОУЧАВАЊЕ
САКРАЛНЕ КОМУНИКАТИВНЕ КУЛТУРЕ**

Рад представља покушај разматрања нормативистике православног канонског права везане за разне аспекте вербалног и невербалног комуникативног понашања клирика и лаика по схеми ситуационе анализе, разрађеној у Вороњешкој школи комуникативне лингвистике (Русија). Истраживање се базира на целокупном канонском корпусу Православне Цркве и на црквеноправном материјалу фиксираном у интегралном своду докумената црквеног законодавства, а његов циљ јесте идентификовање, систематизација и анализа комуникативних норми прописаних у односу на свештенослужитеље, црквенослужитеље, монахе и лаике, као и санкција предвиђених у случају њиховог нарушавања.

